

*Всем, кто живет и трудится
во благо детей,
посвящается*

ПАВЕЛ АСТАХОВ

НАШИ ДЕТИ

Исповедь
о самых близких
и беззащитных

Москва
2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Художественное оформление *А. Старикова*

В оформлении использованы фотографии
из личного архива автора,
а также: Алексей Дружинин / РИА Новости

Астахов, Павел Алексеевич.

А91 Наши дети. Исповедь о самых близких и беззащитных / Павел Астахов. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Астахов Павел. Книги известного защитника прав детей).

ISBN 978-5-699-83143-2

Что сегодня делается в России для поддержки семей с детьми? Как получить помощь в лечении, если ребенок серьезно болен? Какие документы необходимо собрать для усыновления? Как получить помощь педагогов и психологов в трудной ситуации?

11 января 2010 года известный российский адвокат Павел Астахов заступил на должность Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. Эта книга — откровенный рассказ о том, что удалось сделать за прошедшие годы, как постепенно менялась ситуация и отношение к детям в российском обществе. С момента своего назначения Павел Астахов побывал в 1227 детских домах-интернатах, домах ребенка во всех 85 регионах Российской Федерации. Общее расстояние, пройденное в инспекционных поездках по России, составило более 550 000 км. В командировках по России за эти годы проведено более 1100 дней.

Всего в России сегодня живут более 27 000 000 детей.

Каждый из них нуждается в защите.

Об этом книга Павла Астахова.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83143-2

© Астахов П., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Оглавление

<i>Предисловие</i>	7
Глава 1. КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ	9
Глава 2. «АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС»	30
Глава 3. ЦЕНА СИРОТСТВА	40
Глава 4. АВГИЕВЫ КОНЮШНИ	62
Глава 5. АМЕРИКАНСКОЕ ДЕТСТВО	73
Глава 6. УРОКИ АМЕРИКИ	116
Глава 7. ОПАСНОСТЬ В СЕМЬЕ? СЕМЬЯ В ОПАСНОСТИ!	129
Глава 8. РУКА ПОМОЩИ	161
Глава 9. ПО ЧУЖИМ ЛЕКАЛАМ	170
Глава 10. У ВСЕХ НА ВИДУ	202
Глава 11. КОГДА ЗНАНИЯ ВО ВРЕД	225
Глава 12. МОНСТР ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ	238
Глава 13. «РОССИЯ БЕЗ СИРОТ»	253
Глава 14. МОЯ ПЯТИЛЕТКА	286
Глава 15. БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ... ЧИНОВНИКОМ?	318
Глава 16. УКРАИНСКИЙ ВОПРОС	329

<i>Послесловие</i>	335
<i>Приложения</i>	339
Случаи гибели российских детей, усыновленных в США	339
Случаи жестокого обращения с детьми, усыновленными в США.....	350
<i>Помощь семье: Вопросы и ответы</i>	357

Предисловие

«Воспитание детей — это большое, серьезное и страшно ответственное дело. Ведь воспитывая детей, мы воспитываем будущую историю нашей страны, а значит — и историю мира».

Макаренко А. С.

В жизни каждого человека наступает момент, когда приходится отвечать за все. За детей. За родителей. За семью. За работу. За страну. А главное — за свою душу. И я чувствую, что для меня такой момент наступил. Потому что все, что я перечислил, у меня есть. И за все это я отвечаю.

Возникает вопрос: где же тот предел, до которого стоит раскрывать свою душу? Как рассказать о тех или иных событиях так, чтобы это было воспринято правильно? Как бы то ни было, я всегда говорю искренне. У меня в принципе никогда не было секретов — я и будучи адвокатом практически ничего не скрывал. Все знали о моей жизни, семье, работе, делах. С другой стороны, можно нарваться на обвинения в каком-то пиаре. Глупости это все. В чем пиар? В том, чтобы рассказать о себе правду? И рассказать о делах, которыми ты занимаешься? Ничего подобного. Это нормально, открыто, честно и законно!

В моем понимании самопиаром занимаются те люди, которые придумывают сказки про себя. Вот возникает откуда-то великий специалист по современной живопи-

си. Или вдруг выскакивает человек, который параллельно ресторатор, антиквар и еще успешный адвокат, по его словам. Но прости меня, дорогой мой, я с 1993 года в адвокатуре. В судах отработал больше двадцати лет. В принципе всех современных адвокатов худо-бедно знаю, сталкивался, — а тебя в судах не встречал.

И скажу честно, что даже когда я был на пике своей адвокатской известности, когда у меня были три успешных телевизионных программы, удачные процессы, началась деятельность в Общественной палате, — я по-прежнему приходил в суд. На меня иногда судьи смотрели и удивлялись:

— Это действительно, что ли, вы Астахов Павел?

— Ну да, я.

— А вы что, до сих пор сами в суд ходите?

Хотя казалось бы, что здесь такого непонятного-то? Но удивлялись судьи, прокуроры и даже коллеги — адвокаты — что я сам хожу в суд. А для меня это как зарядка. Я чувствовал необходимость туда прийти. Я же судебный адвокат, я провел в судах и в тюрьмах у своих подзащитных огромный срок! Меня так учили мои наставники. Работать — а не представлять из себя великого адвоката: бабочку надел, сидишь и рассказываешь, какой ты великий, не проиграл ни одного процесса. Да, может, и не проиграл — потому что ты не бываешь на процессах. Но, собственно, ради Бога — каждый может представлять себя как хочет. Не в этом, в конце концов, смысл моей исповеди.

Я же буду просто рассказывать, о своей жизни и о том, с чем мне пришлось столкнуться после того, как 28 декабря 2009 года моя судьба круто переменялась.

Глава 1

Как все началось

Я вырос в многодетной по советским меркам семье. У меня есть сестра на семь лет старше, которая меня по сути воспитывала. Я лет до двенадцати не звал ее по имени, — для меня она была просто «няня». А на самом деле ее зовут Елена. Елена стала вдовой в сорок восемь лет. У нее четверо детей, три мальчика и одна девочка, причем двое — инвалиды детства, и она их не бросила, не отказалась, растит их и воспитывает. Ну и вся остальная семья старается ей помогать. Это наша семья. Наши дети.

У меня есть брат Алексей на девять лет младше, которого уже я воспитывал, и он меня лет до двадцати называл «Паля». Когда мы познакомились с моей будущей женой Светланой — я пришел из армии и поступил на учебу — и я впервые пригласил ее домой, она очень удивилась. Мальчик — брату было тогда лет двенадцать, а мне, соответственно, двадцать один, — подходит, берет меня за руку и стоит, не отпускает. Светлану это поразило. Она спрашивает:

— Ты случайно не нянькой у него был?

— Ну да, был нянькой. И горжусь этим. И братом горжусь!

Первый раз мама оставила брата со мной, когда ему было пять месяцев, — вышла на работу преподавателем в вечерний техникум. Ему пять месяцев, а мне девять лет и пять месяцев, у нас с ним разница почти точно в девять лет — он родился 23 августа, а я 8 сентября.

Помню, что для меня самой большой проблемой было переодеть братишку, когда он пачкал пеленки. Тем не менее я как-то не без успеха справлялся, везде его с собой таскал, воспитывал. Сейчас у брата две дочки. У меня трое детей в семье. Наша семья большая.

То есть я в принципе всегда любил детей и, например, в армии очень переживал за брата — он, когда меня провожали, плакал больше всех. Я все время волновался за него, писал письма домой, спрашивал, как он, что делает. Вообще я очень болезненно воспринимал все, что происходит с детьми вокруг, потому что все пропускал через себя, ассоциируя как раз с моим младшим братом. Я и сейчас переживаю за всех детей, ассоциируя их с собственными детьми. Тем более что младший ребенок у меня еще совсем маленький.

Но при этом к чужим детям я относился, скажем так, с симпатией, не более того. Я не чувствовал какой-то ответственности за них, обеспокоенности. Мог, конечно, переживать, как любой другой человек, опять же ассоциируя их со своими близкими. При этом я обожаю своих собственных детей — и старшего, и среднего, и младшего. Я их всех по-разному люблю, но всех очень сильно. И вдруг мне пришлось отвечать за совершенно посторонних детей — которые, например, находятся в детском доме или доме ребенка, — и помогать им, и защищать их, и сопереживать каждому.

Когда я столкнулся с этим в первый раз, не знал, как быть. А потом понял: точно так же, пропуская через себя их ситуацию, транслируя на своих детей, я и должен их защищать. По-другому не получится. Теперь все они тоже — *мои!*

* * *

Моя сегодняшняя жизнь началась в самом конце 2009 года. Произошло все достаточно неожиданно. Я — благополучный, успешный адвокат. Двадцать лет практики. Три своих телевизионных программы: «Дело Астахова», «Три угла», «Час суда». Сериал «Профессионалы». Фильм «Рейдер». Девять написанных романов. Все это я делал с огромным удовольствием. Вообще для меня творческий процесс — один из самых энергозаряжающих, я не трачу энергию, а заряжаюсь ею. Фантазия — двигатель творчества. Творчество — лучший генератор энергии и жизни!

Родился у меня малыш — после долгого перерыва. Мы с женой счастливые родители, крестим ребеночка, все замечательно складывается, мы свободные люди. Живи как хочешь и где хочешь!

В конце декабря мы всей семьей готовились провести новогодние праздники во Франции. У среднего сына начались каникулы в школе, у старшего — в его американском колледже. К слову, он у меня действительно учился в Оксфорде, Лондоне, а потом в Нью-Йорке. Антон еще лет в четырнадцать заявил, что очень хочет поехать учиться в Оксфорд, сам направил анкету, сам сдал все экзамены и сам поступил. Потом, поучившись и пожив там, он мне сказал замечательную вещь:

— Папа, я хочу изучить все, что возможно, здесь, на Западе, и вернуться в Россию, чтобы там применять эти знания.

И, отучившись в Англии, а потом в Америке, он вернулся и теперь замечательно работает в банковской

инвестиционной сфере. Я его очень хорошо понимаю — как человек, который сам обучался в Америке. Это обучение дает новый взгляд на мир, как бы раздвигает твои горизонты. Но знания надо использовать дома. Есть такое понятие — Родина. Здесь надо работать. Где родился — там и сгодился.

Итак, я собираюсь лететь к семье, старший сын как раз прилетает из Америки, жена сидит с младшим, плюс в это время очень тяжело заболела ее мама, моя теща. Получилось так, что она приехала во Францию помочь нам с малышом, а вместо этого ей пришлось на полтора года задержаться там для труднейшего лечения — шесть химиотерапий, больше пятидесяти облучений, две операции... Я так откровенно рассказываю об этом, чтобы было понятно, почему вдруг семья после моего назначения на должность уполномоченного по правам детей осталась во Франции и жила там несколько месяцев. Светлана тогда просто разрывалась на части — в одной руке четырехмесячный малыш, в другой облысевшая, потерявшая двадцать килограммов веса после всех этих химий и облучений мама. А я в этот момент начинаю работать в новой должности и уже не могу ничем помочь. Какая там Франция? Россию бы объехать!

Суббота, 26 декабря. Я прилетаю во Францию, пока все радужно. Выхожу из самолета, включаю телефон, и вдруг он начинает непрерывно бренчать — штук двадцать эсэмэсок сваливаются одна за другой. Смотрю номер — администрация президента. Звонок.
— Алло.

— Павел Алексеевич, здравствуйте, это администрация президента. С вами хочет поговорить заместитель руководителя. — Мы с этим человеком хорошо знакомы.

— Слушаю.

— Павел, привет. Ты где?

— Привет. Я улетел на новогодние каникулы во Францию, детей собрал, хотим Новый год встретить там.

— А ты можешь вернуться в Москву? Это срочно.

— Зачем?

— У тебя встреча с президентом будет.

— А на какую тему? Я вроде ничего такого не планировал...

— Ну, приедешь, поговорим.

— Когда?

— 28-го.

— Хорошо, давай только я не прямо сейчас вылечу обратно, а завтра. Переночую, 27-го вернусь, 28-го приду.

Так и поступили. В воскресенье я вернулся в Москву, в понедельник приехал в Кремль. Захожу в приемную, там сидит Константин Львович Эрнст, смотрит на меня удивленно — что я здесь делаю? Мы поздоровались. Потом меня вызвали. В кабинете Дмитрий Анатольевич Медведев.

— Павел Алексеевич, у нас, как вы знаете, в последнее время очень много проблем в сфере детства. Мы создали институт уполномоченного, но нам надо, чтобы была построена система. Чтобы все государственные, общественные органы и объединения обратили внимание на эту проблему, и чтобы система

начала работать. Потому что мы сейчас смотрим статистику — и преступлений против детей все больше и больше, и неблагополучие детское растет, и детские дома переполнены. Мы хотим, чтобы вы занялись этим вопросом. Готовы?

Бывают предложения, от которых нельзя отказываться. Я говорю:

— Хорошо, Дмитрий Анатольевич. Но, знаете, у меня есть не то чтобы два условия, а два пожелания. Первое: я начну работать, и начну работать согласно мандату, как ваш представитель, очень жестко. Потому что я понимаю, в чем проблема, и попытаюсь разобраться в ней поглубже. И второе: не обессудьте, но вам начнут на меня жаловаться из-за тех подходов, которые я практикую. Я как адвокат так привык. Я буду воспринимать эту историю так, словно у меня появилось двадцать пять миллионов подзащитных детей. И еще третье: можно мне все-таки каникулы догулять? Я хотел бы 11 января выйти на работу: меня семья ждет, они еще вообще не знают, что нам предстоит.

— Да, хорошо. Езжайте, пожалуйста, а 11 января на работу.

И с 11 января 2010 года я вышел на работу как уполномоченный по правам детей.

Вышел, посмотрел и ужаснулся. За что ни потяни — аборт девочки, беременности девочек, преступления против детей, преступления, совершенные детьми, детские дома... Огромное количество детских домов! В 2008–2009 годах практически ни один детский дом не закрылся. А только за 2014-й мы закрыли сто со-

рок восемь. Количество детей в детдомах, интернатах и домах ребенка на начало 2009 года — 140 тысяч. Число детей-инвалидов с каждым годом растет. За что хвататься? Не представляю.

И никто не может ничего подсказать. Твое направление, дорогой Павел Алексеевич, — вперед! Формируй аппарат и занимайся. Ко всему прочему мне еще предстояло 24 января, через две недели после выхода на работу, ехать в Америку на президентскую комиссию, обсуждать с американцами всякие вопросы по развитию гражданского общества, защите детей и т. п. Я тогда совсем ничего не знал об американском усыновлении, о системе агентств, которые зарабатывают на этом деньги, о том, сколько неблагополучных случаев с нашими детьми. Никто не говорил. Все это было еще впереди.

* * *

Интересно, что за полтора года до моего назначения моя жена вдруг начала мне говорить:

— Ты только посмотри, что происходит у нас в стране с детьми. Как-то надо этому положить конец! Дети пропадают, детей убивают, детей насилуют, детей забирают. Кошмар какой-то. Кто-то же этим должен заниматься!

Как раз в то время — это примерно 2006–2008 год — все стали активно показывать и рассказывать про детские несчастья. И Светлана мне с утра до вечера твердила, что кто-то должен этим всем заниматься. Я говорю: